

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 60-х ГОДОВ В ОЦЕНКЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. ВАЛУЕВА

Сообщение Б. Наумова

Царское правительство всегда смотрело на русскую литературу как на арестанта, которого надо держать за решетками и запорами, ни на один момент не ослабляя самого длительного надзора за ним. Но в некоторые периоды этот тюремный режим для литературы чрезвычайно усиливался и доходил до крайних пределов прижима и ограничений.

Таким моментом был и 1866 г., когда русской легальной литературе пришлось расплачиваться за каракозовский выстрел. Назначение Муравьева-вешателя председателем Чрезвычайной следственной комиссии по делу о покушении 4 апреля, а фактически диктатором с чрезвычайными полномочиями было знаменем яркомахровой реакции.

Эпоха «белого террора», начавшаяся после назначения Муравьева, сопровождалась не только многочисленными арестами общественных деятелей и писателей, закрытием лучших журналов, разгромом редакций и культурных общественных начинаний, но и удалением из правящих кругов крупнейших фигур, оказавшихся неподатливы виленскому палачу и не удовлетворявших его требований. Слетел петербургский военный генерал-губернатор Суворов, пользовавшийся до того времени расположением царя, обвиненный теперь за, якобы, «мягкие» приемы власти и в попустительстве крамоле. Уволен был министр народного просвещения Головин, признанный тоже недостаточно решительным и твердым. Вынужден был уйти даже и шеф жандармов, которого, казалось, никак нельзя было уж обвинить в «слабости» власти. Даже и он оказался неподходящим для муравьевского курса.

Подобной участи мог ожидать и министр внутренних дел Валуев. Хотя за ним вовсе не числилось никаких «грехов» по части проявления слабости власти, а скорее даже наоборот, но он командовал цензурным ведомством, которое в свою очередь, командовало над печатью, а команда эта призывалась диктатором совершенно неудовлетворительной. В докладе своем царю Муравьев писал, что «редакторы и сотрудники некоторых журналов, разделяя противоправительственные идеи, систематически распространяли в продолжение многих лет всевозможные разрушительные учения, стремящиеся к ниспровержению порядка и государственного управления». Писатели эти «при слабости местного над ними надзора, прикрываясь легальностью, предоставленного им права издания, безвозбранно группировали вокруг себя все нечистые и зловредные элементы общества и гласно, посредством своевольной прессы, и привлечения к себе молодого поколения громили основу общественной нравственности и государственного строя»¹.

По существу это было обвинение министра внутренних дел, под надзором которого была печать, в недостаточной бдительности и слабости власти. Чтобы избежать участи других, вычищенных правителей, Валуев решил забежать вперед, указывая Муравьеву, что внимание следственной комиссии должно быть на-

правлено именно на печать и писателей, где гнездится крамола. Нижеследующую «справку»² о зловердных журналах и неблагонамеренных писателях вместе с собственноручным письмом своим Муравьеву Валуев отправил 2 мая 1866 г.

«Милостивый государь граф Михаил Николаевич! Впоследствии бывших с вашим сиятельством изустных по делам печати объяснений, имею честь принести вам покорнейшую просьбу: не изволите ли признать возможным официально сообщить мне соображения вашего сиятельства по этому предмету. Разнородные сведения, входящие в круг исследования председательствуемой вами комиссии, во многих отношениях касаются направления органов прессы и главных руководителей или сотрудников этих органов. Для меня весьма важно иметь в виду ваше по делам печати мнение. Сообщением этого мнения вы меня изволили бы особенно обязать. Имею честь покорнейше просить ваше сиятельство принять уверения в моем отличнейшем почтении и совершенной преданности. Петр Валуев».

На другом листе почтовой бумаги собственноручно Валуевым написано: «При сем представляются вашему сиятельству еще некоторые из сведений, которых вы желали от министерства внутренних дел».

Далее следует печатаемая здесь «Справка» (слово это написано самим Валуевым):

«В видах более успешного разыскания о личности покушавшегося на жизнь государя императора преступника, было бы небесполезно обратиться к исследованию той общественно-литературной среды, в которой способна получить развитие мысль о царевубийстве. Из внимательного рассмотрения направления некоторой части повременных и отдельных изданий до последнего времени, а равно из наблюдения за типографиями и книжной торговлей в Санкт-Петербурге оказывается:

1. В приостановленном недавно журнале «Русское Слово» направленном к распространению коммунистических и материалистических учений принимают участие: а) издатель Благосветлов, заподозренный в сношениях с Герценом, имевший главное наблюдение и участвующий на равных правах собственника типографии Рюмина, в которой печатался этот журнал и которая по общественному убеждению не чужда была печатанию прокламаций; б) редактор Благовещенский, в) Писарев, доселе содержащийся в крепости, г) Шелгунов, представивший в этом журнале апологию воровства³, замешанный по делу Михайлова; д) Стахеев, хлопотавший об открытии книжной лавки при конторе сего журнала, при чем, как видно из газетных публикаций, предполагалось продавать с уступкой студентам и гимназистам сочинения нигилистического свойства; е) Соколов, бывший офицер генерального штаба; ж) Зайцев, известный ультрарадикальными статьями; з) Шапов, Ткачев и др. Кроме того участвует в делах журнала, заведует конторой «Русского Слова» и книжной лавкой Зубовский (подставное лицо), устроенной при упомянутой конторе бывшим студентом медико-хирургической академии Луканиным.

2. В связи с «Русским Словом» нельзя не принять во внимание издательской деятельности Суворина, Сувориной и Лихачевой, которые издали в последнее время следующие книги: а) «Библиотека для чтения всех возрастов», — весьма безнравственная по своей тенденции; б) «История революции во Франции» Минье, пропагандирующая революционные идеи и приемы и в) «Всякие» — очерки современной жизни А. Бобровского, прикосновенного к делу о прокламациях — в этом последнем издании представлены в сочувственном виде участники петербургских агитаций с 1860 по 1866 год.

Все издания этой категории печатаются в типографии Тиблена и К^о (магистр прав Неклюдова).

3. Кроме того должно обратить внимание на следующие издания: а) Сборник «Луч», изданный сотрудниками «Русского Слова» для бесплатной раздачи подписчикам на этот журнал по случаю приостановки оного; б) сочинения Писарева

(упомянут выше) в типографии Головачева; в) Рефлексы головного мозга Сеченова (профессора медико-хирургической академии, наиболее популярного теоретика в нигилистическом кружке), там же в типографии Головачева; это сочинение пропагандирует в популярной форме учение крайнего материализма; г) «Отщепенцы» Соколова (упомянутого выше) в типографии Головачева. В этой последней книге отщепенцами признаются первые христиане и социалисты последнего времени, а все прочие люди фарисеями, против которых отщепенцам преподаются революционные приемы в самой резкой форме.

4. Место постоянных собраний сотрудников и сторонников «Русского Слова» и других упомянутых изданий по преимуществу в книжном магазине бывшего Яковлевых, ныне кн. Голицына и отчасти магазин Печаткина, отличающийся публикациями книг нигилистического содержания. Один из Яковлевых и кн. Голицын — недавние лицеисты, примыкающие к оставшейся после Серно-Соловьевича компании. С Серно-Соловьевичем же был в близких отношениях и Тиблен, ездивший в прошлом году в Женеву.

5. Большая часть указанных выше отдельных книг явились в течение недели до 4-го апреля: «Всякие» — очерки, «Отщепенцы» и «Рефлексы головного мозга» подвергнуты заарестованию, прочие же по букве закона не могли быть подвергнуты этой каре.

Наложение ареста на книгу «Всякие» — очерки крайне смутило издателя Суворина, настоятельно ходатайствовавшего об оставлении этого дела без последствий и уверявшего, что А. Бобровский псевдоним. Между прочим известно, что этот Бобровский был распорядителем коммуны, бывшей года два тому назад в Санкт-Петербурге в Знаменской гостинице. В виду вышеизложенного представляется вопрос, не будет ли полезно обратить внимание безотлагательно на названных лиц, а равно на редакцию «Русского Слова», книжный склад Зубовского, книжные лавки Яковлева и Печаткина, типографию Рюмина, Тиблена и Головачева.

Из письма Валуева Муравьеву видно, что литература и писатели составляли главный предмет неоднократных «изустных объяснений» между ними. «Справка» же явилась лишь дополнением к этим объяснениям. Аттестуя русскую литературу, «вредные» журналы, книги, издательства, книжные магазины и писателей, как среду, «в которой способна получить развитие мысль о цареубийстве», Валуев предавал их на расправу грозному диктатору. Большинство перечисленных в «Справке» писателей были подвергнуты аресту и сидели в Петропавловской крепости. «Русское Слово» было запрещено навсегда, сразу же после выстрела 4 апреля вместе с «Современником»; книги, квалифицированные как особенно вредные, были изъяты из обращения или тоже запрещены; подверглись репрессиям и прижому также издательства, книжные магазины и типографии, заподозренные в неблагонадежности.

Следует отметить, что осведомленность министра внутренних дел о литературе и писателях не отличалась особенной точностью. Так, очерки «Всякие», не только издателем, но и автором которых был А. С. Суворин, писавший тогда под псевдонимом А. Бобровский, Валуев приписывает, повидимому, несуществовавшему А. Бобровскому, якобы, участнику знаменской коммуны (А. А. Слепцова). Книга «Всякие» была изъята и уничтожена. Радикальствовавший в 60-х годах Суворин, как известно, потом сделался махровым реакционером и издателем черносотенного «Нового Времени», много лет игравшего печальную роль официоза царского правительства.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Былое», 1907, кн. 8.

² Центр. Архив Революции. По описи № 279. Дело 1866 г. О вредном направлении некоторых журналов и о лицах в них участвующих.

³ Статья Шелгунова «Честные мошенники» в «Русском Слове» за 1866 г., квалифицированная цензурой как «апология воровства».